

Въ защиту демократіи

Въ статьѣ «Органическое строеніе общества и демократія» (См. «Современныя Записки», 1925, XXV, стр. 343 - 355) я задался цѣлью защитить демократію, во-первыхъ, противъ упрека въ томъ, что она имѣетъ **неорганической, механической характеръ** и, во-вторыхъ, въ томъ, что она предполагаетъ **гносеологической и этической релятивизмъ**. Въ своей защитѣ я исходилъ изъ органическаго міропониманія, и именно изъ той разновидности его, которую можно назвать **іерархическимъ персонализмомъ**.

Статью мою подвергнулъ критикѣ Г. А. Ландау въ фельетонѣ: «Философія и политика» (газета «Руль», 7-го ноября 1925 г., № 1501), стараясь доказать, что іерархическій персонализмъ, при логически - послѣдовательномъ развитіи, приводитъ къ защитѣ «наслѣдственной монархіи Божьею милостію» (именно «монархіи, ограниченной неотчуждаемыми правами личности»), и что демократія неорганична, такъ какъ въ ней «избиратели руководствуются частными интересами» и согласованіе партій происходитъ «путемъ побѣды одного частичнаго интереса или идеи надъ другими, или путемъ взаимнаго ихъ приспособленія, въ которомъ, однако, частное не погашается общимъ, а согласуется съ частнымъ-же».

Изъ этихъ возраженій первое есть результатъ явнаго недоразумѣнія, а второе связано съ дѣйствительно спорнымъ и труднымъ вопросомъ, слѣдуетъ-ли борьбу частныхъ интересовъ въ демократіи понимать **атомистически**, какъ столкновение элементовъ, не руководимыхъ никакимъ цѣлымъ, или нужно понимать ее **органически**, какъ взаимоприложеніе частей, подчиненныхъ цѣлому. Въ своей статьѣ я слишкомъ мало удѣлилъ вниманія этому вопросу: изложивъ основы своего органическаго пониманія общества, я полагалъ, что читатель самъ выведетъ изъ нихъ органическое пониманіе такихъ соціальныхъ процессовъ, какъ выборы, образованіе коалиціоннаго кабинета министровъ и т. п. и не превратитъ мои взгляды въ наборъ грубо противорѣчивыхъ утвержденій путемъ сочетанія органическаго ученія съ

фактами, взятыми не въ чистомъ видѣ, а въ томъ пониманіи ихъ, которое присуще неорганическому ученію.

Статья Г. А. Ландау показываетъ, что даже и весьма утонченные умы при обсужденіи этихъ вопросовъ не настолько проникаютъ въ систему чужой мысли, чтобы подвергнуть ее имманентной критикѣ, и, поэтому, я чувствую себя обязаннымъ развить нѣсколько подробнѣе то, что не досказано было мною раньше.

Сначала, однако, я постараюсь показать, что іерархически персонализмъ вовсе не ведетъ къ защитѣ монархическаго государственнаго строя. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ основныя положенія іерархическаго персонализма: субстанціональные дѣятели, изъ которыхъ состоитъ міръ, суть дѣйствительныя или потенціальныя личности, т.-е., относительно самостоятельныя источники цѣлестремительныхъ дѣятельностей. Эти дѣятели способны образовать органически цѣлостныя единства, поскольку многіе низшіе дѣятели усваиваютъ различные аспекты стремленій одного высшаго дѣятеля и потому могутъ осуществлять сообща весьма сложныя, но въ то же время органически согласованныя, цѣлостныя дѣйствія. Каждый организующій дѣятель есть **онтологически** болѣе высокое начало, чѣмъ организуемые имъ элементарныя дѣятели. Такъ, человеческое я ставитъ цѣли, на примѣръ, написать картину, несоизмѣримыя, по своему составу и смыслу, съ дѣятельностью клѣтокъ человеческого организма, и осуществляетъ ихъ, возлагая на отдѣльныя клѣтки ничтожныя дробы цѣлой дѣятельности; руководить этими дѣятельностями наше я, опираясь на воспріятіе внѣшняго міра и общенія съ нимъ, опять - таки несоизмѣримое по своему составу и осмысленности съ тѣмъ, что выпадаетъ на долю отдѣльныхъ клѣтокъ, изъ которыхъ одиѣ спосредствуютъ только элементы зрительнаго воспріятія, другія — элементы осязательнаго воспріятія и т. п. Согласно такому ученію, дѣятель, организующій социальное цѣлое (душа народа), онтологически стоитъ выше каждаго гражданина такъ же, какъ человеческое я стоитъ выше клѣтокъ своего тѣла: психо - физическая дѣятельность отдѣльныхъ людей служитъ для социальнаго я матеріаломъ, опираясь на который оно осуществляетъ **социальные акты**, несоизмѣримые по своему составу и смыслу съ индивидуальными - человеческими дѣйствіями, на примѣръ, войну, постройку Суэцкаго канала и т. п.

Абсолютно очевидно, что отдѣльное человеческое лицо, на примѣръ, монархъ, обладающій абсолютной властью, не

есть Душа народа въ установленномъ выше смыслѣ. Отсюда получается слѣдующее положеніе: іерархическій персонализмъ есть ученіе о **монархическомъ** строеніи вселенной, однако въ государственномъ цѣломъ носитель **онтологически - монархическаго** начала есть не человѣкъ - государь, а существо болѣе высокое, чѣмъ человѣкъ. Среди примитивныхъ народовъ весьма распространено вѣрованіе, что глава племени обладаетъ сверхъ-человѣческой силою, что въ немъ содержится жизненный принципъ всего народа, что отъ него зависитъ успѣхъ войны, плодородіе почвы и т. п., такъ что онъ есть богъ племени. Это вѣрованіе не есть сплошное заблужденіе: кто его раздѣляетъ, тотъ правильно чувствуетъ наличие высшаго начала, организующаго народъ, но ошибочно приурочиваетъ его къ личности отдѣльнаго **человѣка**: вождя, старшины, царя и т. п. Наблюдать такое сверхъ-человѣческое начало въ чистомъ видѣ, т.-е., абстрагируя его отъ его воплощенія въ народъ, мы не умѣемъ, но мы можемъ воспитать свою мысль настолько, чтобы **понимать** наличие его, разсматривая весь народъ, поскольку онъ представляетъ собою организованное единство и, въ частности, разсматривая **единство власти**, т.-е., тотъ органъ, посредствомъ котораго организующее начало особенно наглядно выявляется. Это единство сохраняетъ **сверхчеловѣческой** характеръ даже и въ абсолютной монархіи, такъ какъ даже болѣе самовластный самодержецъ передовѣряетъ большую часть своей власти правительственному цѣлому и рѣшенія принимаетъ, въ большинствѣ случаевъ, въ единеніи съ правительственнымъ цѣлымъ, Низведеніе самодержца на степень лишь момента сверхчеловѣческаго соціальнаго цѣлага осуществляется въ абсолютной монархіи **фактически**, но юридическая форма самодержавія даетъ самодержцу возможность навязывать рѣшенія своей индивидуально - **человѣческой воли** соціальному цѣлому и въ этомъ заключается неорганическая сторона самодержавія (изъ этого несовершенства органически, однако, вовсе не слѣдуетъ, будто абсолютная монархія есть неорганической агрегатъ). Поэтому, я повторяю высказанное мною раньше положеніе: исходя изъ органическаго ученія о строеніи общества, становится понятнымъ, почему, по мѣрѣ усложненія жизни и возрастанія дифференціаціи общества, по мѣрѣ усовершенствованія техники

государственного управления и законодательства, верховная власть все болѣе и болѣе отчетливо принимаетъ характеръ сверхчеловѣческаго единства, что и выражается или въ ограниченіи власти монарха или въ установленіи республиканской формы правленія.

Принципальное отстаиваніе и послѣдовательное развитіе **соборнаго строя** власти соотвѣтствуетъ болѣе высокой ступени органичности общества; и, какъ это ни странно, самъ онтологически - монархическій принципъ строенія вселенной достигаетъ большей чистоты выраженія въ соборномъ строѣ власти, чѣмъ въ абсолютной монархіи, гдѣ есть соблазнъ принять отдѣльнаго человѣка, онтологически равнаго другимъ людямъ, за какое-то Высшее существо.

Іерархическій персонализмъ, говоря о іерархическомъ строеніи общества и всего міра, имѣетъ въ виду не такую условную іерархію, какъ монархъ, губернаторъ, исправникъ, а іерархію сущностную, онтологическую — Богъ, вселенная, народъ, человѣкъ и т. д. Согласно такому ученію, нѣтъ онтологически - іерархическаго различія между отдѣльными людьми: всѣ люди по своему человѣческому достоинству равны другъ другу, и демократія права, когда она отстаиваетъ этотъ возвышенный принципъ равенства. Различіе между командиромъ полка, ротнымъ командиромъ и рядовымъ или между директоромъ фабрики, мастеромъ и рабочимъ не отрицается демократическимъ принципомъ равенства, но оно низводится на степень лишь технической іерархіи, дѣйствительной только въ предѣлахъ служебной дѣятельности. Что же касается подлинно онтологической іерархіи общественной структуры, она именно въ современной демократіи достигаетъ особенно высокой дифференціаціи, благодаря развитію множества соціальныхъ органовъ, союзовъ и т. п., находящихся другъ къ другу нерѣдко въ отношеніяхъ строго опредѣленнаго подчиненія, на примѣръ, въ Соединенныхъ Штатахъ законодательная палата отдѣльнаго штата въ отношеніи къ Конгрессу. Между тѣмъ, абсолютная монархія имѣетъ тенденцію превращать всѣхъ гражданъ въ агрегатъ изолированныхъ другъ отъ друга подданныхъ.

Строй демократически - ограниченной монархіи или демократической республики есть одинъ изъ способовъ созиданія соборнаго, сверхчеловѣческаго единства власти сверхчеловѣческимъ единствомъ народа. Въ самомъ дѣлѣ, избраніе народныхъ представителей нельзя понимать, какъ только механической процессъ столкновенія индивидуально - человѣческихъ

воль. Принявъ посылки органическаго міровоззрѣнія, разсмотримъ соціальныя процессы **сверху**, исходя изъ цѣлаго, и нашему уму тотчасъ же предстануть многозначительныя и пѣчныя стороны этихъ процессовъ, ускользающія отъ взора людей, привыкшихъ разсматривать соціальныя явленія **снизу**, имѣя въ виду только отдѣльныхъ людей и сумму ихъ единичныхъ соотношеній. Поучительный образецъ разсмотрѣнія явленій сверху данъ **О. Шпанномъ** въ его статьѣ: «*Gleichwichtigkeit gegen Grenznutzen*». (*Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*, 123. Band., III. Heft., Mai - Juni 1925), гдѣ органическое пониманіе общества примѣнено для выясненія понятій цѣнности и цѣны. Хозяйственная жизнь, также и въ буржуазномъ капиталистическомъ обществѣ есть, говорить Шпаннъ, «объективно упорядоченная расчлененная система цѣлостей, подъ - цѣлостей и органовъ, носителями которыхъ, въ концѣ концовъ, правда служатъ единицы, но первичная дѣйствительность ихъ не въ самихъ этихъ единицахъ, а въ **сверхиндивидуальномъ членораздѣльномъ порядкѣ**. Не нагроможденіе субъективныхъ актовъ находимъ мы въ хозяйствѣ, а — не пугайтесь — дѣйствованія цѣлаго черезъ единицы». «Въ частности, рынокъ никоимъ образомъ нельзя представить себѣ такъ, какъ если бы онъ **возникалъ** изъ встрѣчи и суммированія дѣйствій покупателя и продавца», — всякій актъ имѣетъ здѣсь хозяйственную дѣйствительность и смыслъ, лишь поскольку существуетъ его **вчлененіе** въ хозяйственное цѣлое. Намѣчая на основѣ такихъ ученій органическую теорію цѣны, Шпаннъ показываетъ, что она даетъ возможность понять рядъ явленій, едва ли объяснимыхъ съ точки зрѣнія атомистической теоріи, напримѣръ, неравномѣрное измѣненіе цѣнъ при инфляціи, различную доходность и оплату труда въ разныхъ отрасляхъ хозяйства и т. п.

Если даже рыночная суета купли и продажи, разсматриваемая сверху, отъ цѣлаго къ элементамъ, является передъ нами въ новочъ свѣтѣ, какъ явленіе, обусловленное органически, **тѣмъ болѣе плодотворнымъ** окажется такое разсмотрѣніе столь высокыхъ соціальныхъ актовъ, какъ избраніе народныхъ представителей. Граждане, несущіе дѣйственный избирательный бюллетень, идутъ къ урнамъ, не какъ Петръ, Иванъ, Семень, а какъ консерваторы, или либералы, національ - демократы или социаль - демократы и т. п., или же, какъ купцы, ремесленники, земледѣльцы и т. п. Какъ члены партій, имѣющихъ въ неприкрытомъ видѣ характеръ профессионально- или классово - политическихъ объединеній, они являются носителями

частныхъ интересовъ; но это частное есть часть общества, выраженіе одного изъ аспектовъ соціального цѣлага (торговли, земледѣлія и т. п.), а вовсе не только личной воли избирателя, какъ обособленнаго индивидуума. Это не значитъ, что избиратель, подавая бюллетень, жертвуетъ своими личными интересами; въ большинствѣ случаевъ, онъ воплощаетъ въ своемъ бюллетенѣ такой свой личный интересъ, который совпадаетъ или неразрывно связанъ съ какимъ-либо многозначительнымъ интересомъ соціального цѣлага. Это сочетаніе личныхъ и сверхличныхъ интересовъ не только объективно существуетъ, но даже и выражается непосредственно въ сферѣ субъективно - психическихъ переживаній: земледѣлецъ, напримѣръ, своимъ хозяйствомъ хочетъ обезпечить матеріально себя и семью, но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ его душѣ нормально есть хотя бы крошечная струйка также и безкорыстной любви къ землѣ и своему дѣлу, есть чувство, которое привязываетъ его къ дѣлу больше и иначе, чѣмъ это нужно только для личныхъ и семейныхъ цѣлей.

Такія стороны души показываютъ, что человекъ не есть существо, замкнутое въ себѣ: его воля способна усваивать содержанія и стремленія бытія, выходящаго за предѣлы его индивидуальности, такъ, какъ если бы они были его собственнымъ бытіемъ. Это возможно потому, что всякій индивидуумъ есть бытіе индивидуально - сверхиндивидуальное, укорененное въ мировомъ цѣломъ.

Спаиванность личности съ соціальнымъ цѣлымъ, утверждаемая органическою теоріею, обыкновенно разсматривается, какъ ученіе, утверждающее поглощеніе личности соціальнымъ цѣлымъ, отрицающее нравственную самостоятельность личности и т. п. Эти упреки не состоятельны. Во всякомъ случаѣ, они не могутъ быть направлены противъ той разнородности органическаго ученія, которую я развиваю подъ именемъ іерархическаго персонализма. Въ самомъ дѣлѣ, согласно этому ученію, всякій индивидуумъ есть носитель творческой силы, способный къ самостоятельному дѣйствию, но связанный съ другими личностями высшаго, равнаго и низшаго ранга такъ, что онъ можетъ усваивать ихъ стремленія, какъ если бы они были его собственныя, и потому можетъ образовать, въ сочетаніи съ другими дѣятелями, органическое единство, съ большею или меньшею степенью гармоническаго взаимоприкосновенія. Усвоеніе личностью чужихъ стремленій не есть процессъ, возникающій съ характеромъ неотвратимой необходимости: даже и высшее начало не можетъ овладѣть силою низшей личности и сдѣ-

латъ ее носительницею своихъ стремленій. Исполнить чужое стремленіе личность можетъ лишь послѣ того, какъ она **сама** сознательно или безсознательно **присоединится** къ нему. Этотъ актъ присоединенія можетъ возникнуть подъ вліяніемъ угрозъ, мученій и т. п.; однако, даже и тотъ, кто, измученный пытками, исполняетъ чужую злую волю, напримѣръ, клеветаетъ на невиннаго человѣка, стыдится этой своей слабости, такъ какъ знаетъ, что дурной поступокъ совершенъ **имъ самимъ**, и понимаетъ, что онъ **предпочелъ** произнесеніе клеветы перенесенію тѣлесныхъ страданій. Эти краткія соображенія намѣчаютъ тотъ путь, слѣдуя которому можно показать, что органическое ученіе о мірѣ совмѣстимо съ признаніемъ метафизическаго понятія свободы воли и нравственной отвѣтственности личности (подробно объ этомъ см. въ моей печатающейся книгѣ «Свобода воли»).

Въ такомъ своеобразномъ органическомъ цѣломъ, какъ государство, элементы, организуемые высшей личностью, сами суть обладающіе сознаніемъ личности, достигшіе ступени нравственнаго бытія; ихъ свобода не только существуетъ, какъ метафизическое свойство, но и сознается, какъ возвышенная цѣнность, какъ необходимое условіе идеальнаго развитія личности. Осознавъ свое нравственное достоинство и свою обязанность реализовывать высшія цѣнности, личность борется противъ внѣшнихъ препятствій для этой дѣятельности, отстаивая различные виды **гражданской** свободы, а также **политическую** свободу, какъ право свободнаго служенія общественному цѣлому. Демократическій строй есть одинъ изъ возможныхъ способовъ, конечно, далеко не совершенный, обезпечить за личностью эти права.

Противники органическаго міропониманія, обыкновенно, указываютъ на то, что всякое общественное дѣйствіе всегда совершается въ формѣ поступковъ отдѣльныхъ лицъ. Съ этимъ можно согласиться, однако, прибавивъ существенную оговорку, которая показываетъ, что правымъ остается все же органическое міропониманіе. Когда отдѣльное лицо совершаетъ социальный актъ, черезъ него говоритъ и дѣйствуетъ социальное цѣлое, однако, выражаясь въ немъ не цѣликомъ, а **частично**, такъ что полное осуществленіе социальнаго акта получается не иначе, какъ въ **координированныхъ** дѣйствіяхъ многихъ людей (сулебный процессъ, война и т. п.). Эта координація многихъ дѣйствій можетъ быть объяснена только органическимъ строеніемъ общества; связь цѣлаго и частей въ немъ аналогична отношенію между человѣческимъ я и органами человѣче-

скаго тѣла. Пушкинъ могъ выразить своего «Бориса Годунова» не иначе, какъ путемъ множества мышечныхъ сокращеній; но не эти сокращенія создаютъ единство художественнаго произведенія, а, наоборотъ, единый образъ порождаетъ множество словъ и движеній въ стройномъ порядкѣ, такъ что въ каждомъ словѣ и движеніи говоритъ цѣлое, но не цѣликомъ, а частично, вслѣдствіе чего и требуется система словъ и движеній (см. объ этихъ соотношеніяхъ цѣлаго и части въ моей брошюрѣ «Матерія и жизнь»).

Возвращаясь къ вопросу объ избраніи народныхъ представителей въ демократическомъ государствѣ мы скажемъ теперь: черезъ различныя группы населенія, подающія согласованные и потому дѣйственные бюллетени, говоритъ социальное цѣлое, — частично черезъ каждую группу, но цѣликомъ черезъ совокупность ихъ. Поэтому, можно утверждать, что избраніе народныхъ представителей въ демократическомъ государствѣ есть одинъ изъ возможныхъ способовъ созиданія чего-то вродѣ соборной власти, и возникновеніемъ своимъ она обязана не мозолящему глазу столкновенію атомически распыленныхъ силъ снизу (этого столкновенія органическая теорія не отрицаетъ), а царящему надъ этими силами единству социальнаго цѣлаго сверху.

Понятіе соборности въ собственномъ смыслѣ слова принадлежитъ къ сферѣ православнаго религіознаго сознанія и выражаетъ одну изъ сторонъ жизни церкви, воплощающую въ себѣ высокую цѣнность. Къ сожалѣнію, теоретическое выясненіе этого понятія далеко отъ завершения. Здѣсь я рѣшусь только слегка коснуться его, имѣя въ виду не высшее выраженіе его, возможное въ Церкви, а только слабый анзлогъ его, осуществимый въ жизни государства, задающагося далеко не идеальными земными цѣлями.

Кто ставилъ себѣ задачу наблюдать ходъ преній въ обществѣ, гдѣ спорящіе свободны отъ преемственности и упрямаго, горделиваго себялюбія, тотъ знаетъ, какъ совѣстное обсужденіе вопроса ведетъ къ углубленію его, къ осложненію его все новыми сторонами и, наконецъ, къ выявленію истины, болѣе полно и всесторонне выраженной, чѣмъ это возможно для единичнаго ума при уединенныхъ усиліяхъ его. Нормально или, вѣрнѣе, идеально, такъ долженъ быть процессъ обсужденія и рѣшенія въ собраніи народныхъ представителей. Любовь къ истинѣ, заставляющая забыть въ данномъ, конкретномъ случаѣ о партійныхъ программахъ, всегда одностороннихъ, любовь къ своему народу и чуткая совѣсть — вотъ условія, при которыхъ

можно надѣяться, что постановленія народныхъ представителей будутъ, въ большинствѣ случаевъ, разумны и цѣлесообразны.

Свободное добровольное единеніе многихъ лицъ въ истинѣ и любви къ сверхчеловѣческому цѣлому, являющемуся носителемъ высокихъ цѣнностей, аналогично тому еще болѣе совершенному единенію, которое называется **соборностью** въ точномъ смыслѣ и можетъ быть осуществлено сполна только въ наиболѣе возвышенной сферѣ жизни, именно въ Церкви, гдѣ осуществляется общеніе людей, объединенныхъ любовью къ Богу. Мысль, что въ парламентской жизни достигается нѣчто, вродѣ соборности въ указанномъ высокомъ смыслѣ, можетъ вызвать улыбку. Какъ разъ въ наше время парламентская дѣятельность чрезвычайно далека отъ этого идеала; партійное окостенѣніе, партійный фанатизмъ, наличие партій, ненавидящихъ то социальное цѣлое, представителями котораго они должны бы быть и т. п. проявленія кризиса демократіи умножаются съ каждымъ днемъ. Эти отрицательныя явленія обусловлены, однако, не самою идеею демократіи, а представляютъ собою **искаженіе** ея, вызванное особо трудными условіями, въ которыхъ находится современная демократія. Я же говорю объ идеалѣ демократіи, логически послѣдовательно связанномъ съ идеею ея. И, если упоминаніе объ этомъ идеалѣ, при сопоставленіи его съ печальною дѣйствительностью, можетъ вызвать улыбку, то съ не меньшимъ правомъ можетъ улыбнуться и демократъ, слушая восхваленія идеи Бѣлаго Царя и вспоминая о реальныхъ самодержавіяхъ, весьма далекихъ отъ бѣлизны.

Мои соображенія въ защиту демократіи и ссылки на идеальный образъ ея вовсе не имѣютъ цѣлью доказать, что демократія есть всегда и во всѣхъ условіяхъ наилучшая форма государственнаго строя. Точно также, борясь противъ широко распространеннаго мнѣнія, будто демократія не органична, и стараясь показать ея органической характеръ, я вовсе не утверждаю, будто абсолютная монархія не органична. Я только указываю на то, что абсолютный монархъ не есть душа народа (не есть монархъ въ онтологическомъ смыслѣ), и потому органичность абсолютной монархіи достигается не такъ просто и грубо осязательно, какъ это кажется многимъ монархистамъ. Въ самомъ дѣлѣ, управлять органическимъ сверхчеловѣческимъ единствомъ народа и подчинять его себѣ способно только сверхчеловѣческое единство власти. Это единство власти осуществляется, поскольку самодержавіе добровольно, слѣдуя долгу и **Правдѣ Божіей**, объединяетъ вокругъ себя для управленія государствомъ

наилучшихъ людей и въ единеніи съ ними, на основѣ совмѣстно выясненной истины и любви къ народу, принимаетъ рѣшенія (аспектъ Бѣлаго Царя, паличный хотя бы въ минимальной степени почти въ каждомъ монархѣ, и въ связи съ этимъ тенденція къ добровольному созданію соборности власти); это единство власти осуществляется также, поскольку монархъ, даже и преслѣдуя свои личныя и династическія цѣли, все же старается уловить совпадающія съ ними нужды и тенденціи соціальнаго цѣлаго, и создаетъ единство власти, объединяя вокругъ себя людей, наиболѣе способныхъ удовлетворить эти нужды. А въ демократіи это единство власти создается, поскольку граждане, подавая свой голосъ, имѣютъ ввиду сверхличныя интересы соціальнаго цѣлаго или же поскольку они руководятся личными интересами, но такими, которые совпадаютъ съ важными моментами интересовъ цѣлаго, причемъ совокупность ихъ выражаетъ цѣлое.

Итакъ, въ абсолютной монархіи созданіе единства власти, годной для управленія государствомъ, зависитъ отъ того, насколько мощно голосъ цѣлаго говорить въ душѣ монарха, а въ демократіи отъ того, насколько голосъ цѣлаго говорить въ душѣ каждаго гражданина, а также отъ того, насколько сравнительно узкіе интересы голосующихъ группъ выражаютъ въ своей совокупности интересъ цѣлаго. Очевидно, и въ демократіи, и въ абсолютной монархіи есть опасность того, что власть окажется не вполне соответствующею нуждамъ цѣлаго; въ зависимости отъ степени несовершенства власти цѣлое или погибнетъ или подвергнется болѣзненнымъ искаженіямъ, или, по крайней мѣрѣ, будетъ проявлять недостатки, вродѣ физической вялости, неуклюжести и т. п. Хотя общество необходимо имѣть органическую структуру, все же органичность его можетъ быть болѣе или менѣе совершенною, можетъ содержать въ себѣ надрывы. Никакая форма государственнаго строя не содержитъ въ себѣ абсолютной гарантіи противъ этихъ надрывовъ и ни одна изъ нихъ не можетъ считаться при всѣхъ условіяхъ болѣе совершенною, чѣмъ другая: на однихъ ступеняхъ культуры, развитія личности и т. п. болѣе совершенный результатъ даетъ абсолютная монархія, на другихъ демократія (монархическая или республиканская) или еще какой-либо иной строй. Поэтому, ни въ

этой, ни въ предыдущей моей статьѣ нѣтъ нелѣпой попытки вывести изъ основъ іерархическаго персонализма необходимость одного какого-либо опредѣленнаго строя для всякаго общества. Задача моя, повторяю, сводится лишь къ тому, чтобы защитить демократію отъ упрека въ механичности.

Есть два противоположныя, но совмѣстныя условія, наличность которыхъ благоприятствуетъ процвѣтанію демократіи. Одно изъ нихъ заключается въ высокомъ развитіи личнаго самосознанія абсолютной цѣнности личности и потребности защиты неотчуждаемыхъ правъ ея, а другое — въ широтѣ кругозора личности, любви ея и интересѣ къ социальному цѣлому, благодаря чему отдѣльный гражданинъ становится какъ бы микроскопомъ, содержащимъ въ себѣ не только свою отдѣльную жизнь, но и отражающимъ въ индивидуальномъ преломленіи жизнь цѣлаго, откуда возникаетъ сознаніе права на участіе въ государственномъ строительствѣ.

Не только любовь къ социальному цѣлому, но и любовь къ абсолютной цѣнности личности и защита ея неотчуждаемыхъ правъ, на примѣръ, свободы совѣсти, предполагаетъ въ человѣкѣ высокую ступень развитія **сверхличныхъ** интересовъ: даже и свою личную свободу можетъ защищать правомѣрно только тотъ, кто любитъ свободу не эгоистически, а принципиально, какъ абсолютную цѣнность. Къ сожалѣнію, именно вожди демократическаго движенія, увлеченные идеею свободы личности и неотчуждаемыхъ правъ ея, воображая, будто синтезъ универсализма и индивидуализма не возможенъ, особенно часто становятся на сторону индивидуалистически - атомистическаго (неорганическаго) міровоззрѣнія, и борются противъ всѣхъ универсальныхъ началъ: разрушаютъ религію, выводятъ нравственность изъ эгоизма, рассматриваютъ государство лишь какъ средство для удовлетворенія индивидуально - эгоистическихъ потребностей гражданъ и т. п. Сами эти вожди, обыкновенно, бывають вдохновлены сверхличными интересами и только строятъ ложную теорію своихъ возвышенныхъ стремленій, но ученики ихъ, сѣрая человѣческая масса, оказываются послѣдовательнѣе своихъ учителей: усвоивъ атомистически - индивидуалистическія ученія, они въ личной жизни съ головою уходятъ въ мелкіе, эгоистическіе интересы, а въ социальной жизни возмущаютъ недобросовѣстнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей на всѣхъ ступеняхъ общественнаго цѣлаго, начиная съ сидѣлокъ, почтальоновъ, учителей и кончая министрами.

Однако, не этотъ упадокъ личности есть основная причина

кризиса современной демократической государственности. Эгоистические индивидуальные интересы отдельных граждан сталкиваются и отчасти взаимно нейтрализуются, не приобретаемая обыкновенно достаточной силы для того, чтобы выразиться в имѣющихъ существенное значеніе социальныѣхъ актахъ. Чтобы подорвать государство, нужны силы, болѣе мощныя, чѣмъ эгоизмъ челоѣческихъ особей. Эти силы кроются въ **социальныхъ единствахъ**, враждебныхъ государству. Разсмотримъ здѣсь всего лишь два примѣра такого столкновения социальныхъ силъ: одинъ случай, когда съ государствомъ борется социальное единство, равное или близкое ему по своей онтологической ступени, и другой, — когда противъ государства выступаетъ цѣлое болѣе высокаго ранга. Яркій образецъ перваго случая представляетъ поведеніе нѣкоторыхъ національныхъ меньшинствъ, задающихъ цѣлью не отвоевать себѣ автономію, совмѣстимую съ сохраненіемъ государственнаго единства, а разрушить государство, въ которомъ они находятся, чтобы воссоединиться съ своимъ національнымъ цѣлымъ. Такое національное меньшинство есть инородное тѣло въ государствѣ; члены его лишь по паспорту числятся гражданами государства, а онтологически, по своему внутреннему содержанию, принадлежать къ составу другого социальнаго цѣлаго.

Столкновение разнородныхъ национальныхъ группъ въ нѣкоторыхъ государствахъ принимаетъ чрезвычайно опасныя формы, однако, опять-таки не эта борьба есть основной источникъ переживаемаго нами социальнаго разложенія. Повсемѣстный кризисъ государственной власти, въ частности демократической государственности, обусловленъ вступленіемъ въ историческій процессъ высшаго на землѣ социальнаго цѣлаго, сверхгосударственной Всечеловѣческой цѣлости, онтологически имѣющей болѣе высокій рангъ, чѣмъ отдѣльныя челоѣческія общества, націи и т. п. Безсознательное, юридически почти не оформленное вліяніе этого начала существовало всегда, но въ наше время оно начинаетъ особенно сильно чувствоваться. Международное общеніе въ области высшихъ духовныхъ цѣнностей, взаимозависимость различныхъ сторонъ хозяйственной жизни на всемъ земномъ шарѣ, возрастающее вмѣшательство государства въ экономическія отношенія, осуществимое не иначе, какъ во множествѣ государствъ сразу, и т. п. стороны жизни, властно требуютъ оформленія, которое возможно не иначе, какъ посредствомъ сверхгосударственной организаціи, охватывающей все челоѣчество.

Всякій живой организм надѣленъ творческою изобрѣтательностью и способенъ достигнуть жизненно необходимой цѣли (напримѣръ, регенераціи утраченнаго органа) различными способами. Также и Всечеловѣческое цѣлое обладаетъ этою изобрѣтательностью и пытается осуществить гармонизацію отношеній между человѣческими обществами, намѣчая для достиженія своей цѣли различныя средства. Одно изъ этихъ средствъ есть развитіе Лиги Націй. На этомъ пути перестройка всѣхъ элементовъ грандіознаго земнаго цѣлаго можетъ произойти безъ тяжелыхъ потрясеній, съ сохраненіемъ всѣхъ цѣнностей, дорогихъ всякому патріоту, націоналисту и т. п., подъ условіемъ, однако, чтобы реализація этихъ цѣнностей соответствовала ихъ рангу, чтобы ни одна изъ нихъ не разрослась до размѣровъ, неправомѣрно нарушающихъ гармонию Всечеловѣческаго цѣлаго. Если этотъ способъ перестройки встрѣтитъ слишкомъ энергичное сопротивленіе со стороны государствъ, не желающихъ согласиться на нѣкоторое ограниченіе своего суверенитета, и со стороны экономически привилегированнаго класса, не желающаго подчинить въ большей мѣрѣ, чѣмъ прежде, свою хозяйственную дѣятельность служенію общему благу, то у Всечеловѣческаго цѣлаго найдется другой путь для достиженія той же цѣли: народныя низы, организуемые этою идеею въ томъ грубо искаженномъ преломленіи, которое даютъ ей коммунисты (ненависть къ государству, ненависть къ національному своеобразію, классовая ненависть и т. п.), сломаютъ всѣ перегородки между государствами и классами и, разрушивъ старую культуру, превратятъ всѣ народы въ пластическую массу, послушную организационнымъ тенденціямъ Всечеловѣческаго единства.

Реакція противъ этого страшнаго разрушенія организуется въ фашистскомъ націонализмѣ. Такимъ образомъ, совершается раздѣленіе каждаго народа на два непримиримые лагеря, вслѣдствіе чего разрушается не только демократія, но и вообще всякій нормальный государственный строй что можетъ повести только къ всеевропейской гражданской войнѣ. Кто побѣдитъ въ этой войнѣ? По всей вѣроятности, та сторона, которая, несмотря на свое изувѣрство, все же является носителемъ идеи солидарности всего человѣчества. Кто хочетъ, чтобы это высокое начало оформило жизнь человѣчества мирнымъ путемъ, для того остается одно только средство, — по мѣрѣ силъ своихъ, отстаивать идею Лиги Націй и содѣйствовать воплощенію ея.

И. ЛОССКІЙ